

УКРАИНСКИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

И ДИСКУРС "ЖЕНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ" ЗА НИЗКУЮ РОЖДАЕМОСТЬ

Автор: Е. А. СТРЕЛЬНИК

СТРЕЛЬНИК Елена Александровна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Полтавского института экономики и права университета "Украина (г. Полтава, Украина) (E-mail: elenastrelnik@gmail.com).

Аннотация. Анализируются традиционалистские установки в государственном, демографическом и религиозном дискурсах в Украине. Низкий уровень жизни украинских семей с детьми как основная причина снижения рождаемости лицемерно маскируется демографами, государственными чиновниками и религиозными активистами исключительно нежеланием женщин иметь детей с ностальгической апелляцией к "вечным ценностям и национальным традициям".

Ключевые слова: традиционализм * дискурс * материнство * демография * низкая рождаемость * социальная политика

Ностальгия по "традиционным ценностям" и призыв к их возрождению - весьма популярный ход в украинской государственной, демографической и религиозной риторике, обращенной к семье и женщине. Как отмечает Т. Журженко, традиционализм является доминирующей формой тендерной идеологии в переходном обществе: "В средствах массовой информации, политических и академических дискуссиях...

подчеркивается социальная значимость традиционных женских ролей, возвращение мужчине экономической ответственности за обеспечение семьи, важная роль "традиционно крепкой" украинской семьи в процессах консолидации и возрождения нации, значение женской репродуктивной функции для усиления позиции украинского этноса [Журженко, 2004]. Закономерность подобных процессов отмечает и украинская исследовательница О. Кись: "Практически каждый народ на этапе консолидации нации, в годы борьбы за независимость или в период национального возрождения обращается к женско-материнской символике, а идея родины и патриотизма воплощается в образе Женщины-Матери" [Кись, 2003].

Традиционалистский дискурс очерчен в ряде государственных законов и программ. В частности, статьи 49 и 50 Семейного кодекса Украины, принятого в 2002 г., регулируют права супругов на материнство и отцовство. Здесь отмечено, что супруге-матери в семье должны быть созданы условия для совмещения материнства с реализацией других прав и обязанностей. Отсутствие аналогичной статьи о совмещении отцовства с другими правами и обязанностями отвечает, таким образом, дискурсу материнства как *главного предназначения женщины*, минуя при этом тезис о значении отцовства для мужчины.

Парадоксальным является вплетение традиционалистских установок даже в реализацию государственных программ по обеспечению тендерного равенства и повышению социального статуса женщины. Одной из наиболее распространенных форм такой деятельности в Украине по-прежнему остается проведение культурно-творческих мероприятий, связанных с традиционным набором женских ролей, - красавицы, матери, Березини [Гусак, 2008, Гусякова и др., 2010].

Целью моей статьи является анализ традиционалистских установок в государственном, демографическом и религиозном дискурсах в Украине.

"Нация, которая не рождает детей, должна работать больше"

Традиционалистский дискурс находит свою подпитку и аргументацию в демографических процессах. "Стратегия демографического развития до 2015 года" возлагает надежды на возрождение традиций как основы стабилизации демографической ситуации в Украине: "Целью Стратегии является улучшение качественных характеристик жизни населения и гармонизация процессов его воспроизводства на основе возрождения духовности украинской нации и национальных традиций, восстановление семейных ценностей, обеспечение морального здоровья семьи, воспитание осознанного родительства и предотвращение социального сиротства" [Стратегія..., 2006].

Краеугольным камнем демографических дискуссий и демосоциальной политики украинского государства является снижение рождаемости, ответственность за которое временами перекладывается на женщин. Так, в обозначенном выше документе отмечено: "Процесс снижения рождаемости имеет глобальный характер и обусловлен целым рядом причин - экономических, социальных, психологических, биологических. Это, *прежде всего* (выделено - Е. С.) изменения в социальном статусе женщины, расширение сферы ее внесемейных интересов, повышение уровня образования и занятости" [Стратегія..., 2006].

Тезис о женской вине в низкой рождаемости кажется, по меньшей мере, нелогичным при сравнении репродуктивных установок женщин и мужчин. Действительно, по результатам социально-демографических обследований, украинские мужчины хотели бы иметь детей в среднем несколько большее количество, нежели украинские женщины [Шлюб..., 2008: 121]¹. Но даже если бы детородная активность женщин была бы реализована по "мужскому сценарию", это не улучшило бы (во всяком случае, существенным образом) демографическую ситуацию в Украине.

¹ Исследование Т. Гурко на материалах московской выборки показало обратную тенденцию: мужчины-москвичи хотят иметь меньше детей, нежели их жены [Гурко, 2008: 14]. К сожалению, нам неизвестны результаты подобных исследований в столице или крупных городах Украины.

Было бы неправильным отрицать наличие связи между образованием женщин, их занятостью и репродуктивными установками. В ряде исследований показано, что повышение уровня образования (как женщин, так и мужчин) является одним из факторов трансформации репродуктивного поведения, воздействие которого проявляется в двух плоскостях: повышение значимости личной самореализации в структуре жизненных ценностей и откладывание вступления в брак и рождения детей [Гришнова, Думанська, 2010]. Вместе с тем, вряд ли обосновано снижение рождаемости объяснять преимущественно нежеланием женщин иметь детей: общепринятой в демографии является концепция демографического перехода, в рамках которой снижение рождаемости рассматривается как необратимое и исторически обусловленное явление.

Тем не менее, создается впечатление, что украинское государство в лице чиновников нашло способ "наказать" нежелающих рожать женщин. "У нас женщины не хотят рожать. Нация, которая не рождает детей, должна работать больше" - заявил недавно директор департамента пенсионного обеспечения Пенсионного фонда Украины во время обсуждения пенсионной реформы и повышения пенсионного возраста для женщин².

Наряду с этим, в сентябре 2010 г. депутаты Верховной Рады проголосовали против зачисления в трудовой стаж женщины периода пребывания в отпуске в связи с беременностью и родами. Подобные тенденции происходят на фоне явных шагов назад в гендерно-демократических преобразованиях в Украине.

Украинские организации и активисты/активистки всерьез обеспокоены современной ситуацией с тендерной политикой в Украине. Как отмечает Катерина Левченко - глава Международной женской правозащитной организации "Ла-Страда Украина", -тендерная дискриминация существовала и ранее, однако никогда не было такого откровенного непонимания и игнорирования проблемы, не было откровенно дискриминационных выступлений руководителей государства, не было тотального разрушения институций, не принимались откровенно дискриминационные нормативные документы [Левченко, 2011].

Начало процессов снижения уровня тендерной демократии в Украине отсчитывается с февраля 2010 г. Среди основных проблем в этой связи можно выделить следующие. На институциональном уровне реализация тендерной политики усложнилась в результате административной реформы министерств - на протяжении четырех месяцев после подписания соответствующего Указа Президентом, ни на один орган не были возложены функции по реализации тендерной политики и предотвращения насилия в семье. А сфера противодействия торговли людьми до сих пор осталась исключенной из сферы государственного регулирования³. На законодательном уровне принимаются дискриминационные правовые акты, в частности, ограничивающие права женщин при поступлении в высшие учебные заведения МВД.

На политическом уровне женщины остаются исключенными из сферы принятия решений: в Кабинете министров Украины до последнего времени не было ни одной женщины, парламентское большинство проголосовало против тендерного квотирования в партийных избирательных списках.

И, наконец, это откровенно дискриминационные заявления украинского Президента и премьер-министра о том, что женщинам не место в государственном управлении.

Наряду с обозначенными выше тенденциями активизируется позиция религиозной общественности как основного оппонента тендерной политики.

² Речь идет о повышении пенсионного возраста для украинских женщин с 55 до 60 лет.

³ Речь идет о реформе министерств, в результате которой Министерство по делам семьи, молодежи и спорта (которое занималось реализацией тендерной политики) было объединено с Министерством образования и науки таким образом, что сфера семьи фактически выпала из сферы его влияния. Название реорганизованного органа: "Министерство образования, науки, молодежи и спорта".

Традиционалистский дискурс и pro-life движение

В сентябре 2010 г. в Киеве на 4-м национальном Конгрессе по биоэтике, организованном Национальной академией наук при поддержке Министерства охраны здоровья Украины, состоялся симпозиум "Морально-этические проблемы абортов", представленный (судя по названиям докладов) представителями религиозной общественности. В резолюции отмечено следующее: "Мы - участники Симпозиума - ученые, медики, представители власти и государственных институций, религиозных и общественных организаций, свидетельствуем о единстве позиции о ценности человеческой жизни с момента зачатия... с обеспокоенностью отмечаем, что сегодня Украина - одна из тех стран, где широко распространена практика искусственного прерывания беременности... Это глубоко противоречит многовековым традициям украинского народа, которые основывались на религиозном мировоззрении, глубоком уважении к человеческой жизни, уважении к женщине именно как матери и носителю жизни, заботливом отношении к ребенку". Резолюцией симпозиума стало предложение о внесении изменения в статью 27 Конституции Украины в такой редакции: "Каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь с момента зачатия до природной смерти" [Резолюція..., 2010].

Исследовательница Т. Злобина дала оценку Конгресса, собственно и послужившую отправной точкой моих размышлений в этом ключе: "Перед угрозой демографического кризиса и старения населения именно женщины становятся основной мишенью святош - это их "неправильные" жизненные ориентиры и "нежелание" иметь детей во всем виноваты. Поэтому женщин следует "перевоспитывать", "возвращать в семью", заботиться об их "духовном и физическом здоровье". Разговор, который происходит в квазиморальной плоскости, с апелляцией к выдуманным "вечным ценностям" и за государственные деньги, в перспективе ведет к созданию двух параллельных реальностей - добропорядочно-лицемерного публичного дискурса с женщиной-матерью на пьедестале и непривлекательной повседневностью украинских женщин, замкнутых между тендерными идеалами национальной "Берегини" и комодифицированной "Барби", приваленных грузом домашней работы, воспитания детей и дискриминации (от скрытой до очевидной) во всех сферах жизни" [Злобжа, 2010].

В ряде случаев религиозная и/или традиционалистская риторика сливается с научной, усиливая тем самым свой дискурсивный потенциал⁴. К примеру, одна из российских организаций является проводником религиозного взгляда на демографические процессы с безусловным акцентом на про-лайф движении. Об этом свидетельствует содержание материалов сайта (кстати, с очень авторитетной редакцией) и подборка статей из журнала "Демографические исследования"⁵. В июне 2011 г. в Москве Институт провел Международный демографический саммит, текст резолюции которого также очевидно реализуется в границах традиционалистского дискурса с апелляцией к "универсальным семейным, супружеским и родительским ролям, основанным на традиционных семейных ценностях" [Декларация..., 2011].

Уважая ценностную позицию православных (равно как и других) религиозных организаций и активистов, тем не менее, хотелось бы, чтобы инициаторы религиозной риторики не маркировали ее в качестве научной, социологической, демографической, общепринятой или универсальной. В этом случае существует риск выстраивания соответствующих социальных практик и потери в этом процессе субъекта дискурса (а значит и его критического восприятия), что приводит иногда к парадоксальным ситуациям. Например, пункт 27 плана мероприятий "Государственной программы по обеспечению тендерного равенства в украинском обществе" сформулирован так: "предоставление всесторонней поддержки религиозным организациям в реализа-

⁴ Подробный критический анализ демографического дискурса представлен в работе Т. Журженко [Журженко, 2004].

⁵ <http://www.demographia.ru/> [дата доступа 28.02.2012].

ции благотворительных проектов" [Державна програма..., 2006]. Этот пункт автоматически переключался и в большинство региональных программ, иногда приобретая нелогичные и даже парадоксальные формы. Например, решением Прилуцкого горсовета (Черниговская область Украины) определен перечень тематических встреч в учебных заведениях в границах акции "16 дней противодействия тендерному насилию" (2007 год). В перечне таких встреч значатся: "Я - женщина и я знаю свои права", "Здоровая женщина - здоровый ребенок - здоровая семья", "Предотвращение торговли людьми" и "Нерожденные хотят жить" (?). Профилактика аборт необходима, но возникает как минимум два вопроса: как такая встреча вписывается в логику акции противодействия тендерному насилию и каково содержание такой встречи в контексте отсутствия каких бы то ни было рекомендаций по ее проведению? Можно предположить, что для проведения подобной встречи были привлечены представители религиозной общественности, которые являются наиболее активными оппонентами идей тендерного равенства.

Еще один сомнительный момент мы обнаружили на сайте одной из полтавских средних школ, где размещен видеofilm о телегонии - теории, согласно которой на потомство женщины влияет генетическая информация, полученная ею от предыдущих сексуальных партнеров. Эта теория активно используется религиозными деятелями как аргумент в пользу сохранения девичьего целомудрия до брака, но при этом остается скорее домыслом, не имеющим аргументации в современной науке.

Опасность религиозного и/или традиционалистского дискурса состоит в том, что материнство презентуется как частное дело женщины, а все, что окружает мать с ребенком, начиная от отца ребенка и заканчивая обществом, представляется как второстепенное и незначимое [Злобша, 2010]. Эта дискурсивная практика отчетливо реализуется в pro-life социальной рекламе.

Я проанализировала 73 образца русскоязычной pro-life рекламы, доступной в Интернете. 80% такой рекламы обращаются в том или ином виде исключительно к женщине. Вот несколько типичных слоганов: "Аборт лишает счастья материнства", "Что может быть печальнее на свете, чем когда мамам не нужны их дети", "Мама, не убивай меня". 11% обращались к паре, 5% - к мужчине. Мне удалось также найти несколько образцов рекламы, обращенных к врачам.

Выбор женщины как основного адресата pro-life рекламы определенным образом оправдан, поскольку речь идет о женской репродуктивной сфере, а законодательство позволяет женщине самостоятельно принимать решение о прерывании беременности. Но можно предположить, что такое решение может приниматься парой, муж или сексуальный партнер женщины (или другие близкие люди) могут прямо или косвенно влиять на этот процесс.

Направленность содержания рекламы мы условно разделили на две категории. Реклама, которая *демонстрирует негативные последствия аборта*, составляет 32% образцов. Среди основных последствий - "вред здоровью", "чувство вины" и "одинокая, несчастная жизнь". Реклама, которая содержит месседж о *позитивных последствиях* рождения ребенка, - 12% постеров ("Вместо аборт-любимый малыш"), 23% являются комбинированными вариантами. Одну пятую массива я отнесла к отдельному виду - запугивающая и/или призывающая реклама, как например, постер с изображением окровавленного гинекологического кресла со слоганом "Вы хотите, чтобы жизнь Вашего ребенка прервалась здесь?!?!".

Тактика шоковой терапии применяется и в западной pro-life рекламе. В 2010 г. польские противники абортов в центре Познани установили огромный щит с изображением Гитлера и окровавленных человеческих эмбрионов, который сопровождался подписью: "Аборты для польских женщин ввели при Гитлере 9 марта 1943 года".

Таким образом, большая часть pro-life социальной рекламы направлена на демонстрацию негативных последствий аборта, особенно делая акцент на чувстве вины (опять-таки женщины), демонизируя женщин и консервируя исключительно "женскую ответственность" за аборт.

К каким традициям мы возвращаемся?

Итак, краеугольным камнем публичного дискурса материнства является призыв возврата к традициям как основы национального и духовного возрождения, демографического роста и социального благополучия в целом. Возникает вопрос: *к каким традициям нас призывают вернуться?* Украинская исследовательница Оксана Кись дает ответ на этот вопрос, деконструируя миф о культе материнства в украинской культуре и истории на основе анализа этнографического материала.

Действительно, деторождение в традиционном обществе рассматривалось как главное женское предназначение. В украинском историко-культурном контексте культ материнства закреплён в образе Березины - почти сакральном оплоте украинской национальной идеи и ядре мифологемы об Идеальной матери, которая зиждется, по крайней мере *на двух постулатах: во-первых*, украинской культуре имманентен культ ребенка, он является безусловной культурной ценностью и центром семейного микрокосма; *во-вторых*, материнская роль являлась доминантой в структуре тендерных ролей украинской женщины, дети были смыслом ее существования и главным объектом заботы [Кись, 2003].

Тем не менее, представление о материнстве как неотъемлемой составляющей женской идентичности и общественном (божественном) предназначении женщины было отнюдь не синонимично ценностному отношению к материнству, уважению к женщине как матери и заботливому отношению к ребенку.

Действительно, для украинки материнство являлось именно той социокультурной ценностью, которая полностью определяла ее личностную направленность на исполнение главной женской функции - репродукции. В фольклоре отражен тот факт, что это считалось ее моральной и гражданской обязанностью перед Богом и перед людьми: "Погана та мати, що не хоче дитя мати", "Живемо не батьками - помремо не людьми" и т.п.

Но реальное практическое содержание материнских ролей было достаточно проблематичным.

Доля времени, выделяемого женщиной на протяжении дня для непосредственного контакта с ребенком, была сравнительно невелика: этнографические данные свидетельствуют о том, что уже через несколько дней после рождения ребенок уже не был главным объектом внимания матери, большую часть времени которой поглощали другие семейные обязанности, и в первую очередь - хозяйственно-производственные. Женщине приходилось совмещать хозяйственные и материнские функции, часто отдавая предпочтение именно первым, от которых, собственно, зачастую зависело благосостояние всей семьи, особенно если принять во внимание преобладание в Украине нуклеарного типа семей.

Материнские чувства обремененной множеством дел женщины приобретали несколько амбивалентный характер: вместе с нежностью, теплотой и заботой о здоровье и благополучии ребенка она могла также ощущать некоторую неприязнь к нему. Усматривая в младенце лишнюю обузу, мать могла порой неосознанно стремиться избавиться от него, на что недвусмысленно намекают некоторые украинские колыбельные песни.

Отношение матери к смерти ребенка было относительно спокойным. Гибель ребенка была не столь тяжелой потерей, как смерть подростка или взрослого человека, которая рассматривалась, прежде всего, как потеря работника. Об этом вполне однозначно говорят, к примеру, тексты похоронных причитаний: "... Работница моя, работница! Кто будет для меня так работать, как ты работала... А кто мне миски вымоет, и к колодцу пойдет, и постирает, и вымоет, и кто мне дом подметет?.. Теперь ты умерла, и я должна сама работать...".

Воспитательная функция матери довольно часто опиралась на насильственные методы. Например, имеются сведения о том, что мать довольно часто ругала (и даже

проклинала!) своих детей, а также использовала физические наказания (рукой, тряпкой, ремнем, а иногда и голодом), считая их чуть ли не самым действенным способом влияния на ребенка.

Подобные факты, по мнению исследовательницы, опровергают тот идеализированный образ украинской "мадонны с младенцем", который нам преподносили не только как культурный канон и образец для подражания, но и как типичное явление повседневной жизни крестьян в рамках традиционной культуры [Кись, 2003].

Выводы. Низкий уровень жизни украинских семей с детьми как основная причина низкой рождаемости лицемерно маскируется демографами и государственными чиновниками исключительно нежеланием женщин иметь детей с ностальгической апелляцией к "вечным ценностям и национальным традициям". Поддержка семьи и материнства провозглашается государственной задачей первостепенной значимости. При этом реальная практика социальной поддержки семьи и родительства в Украине чрезвычайно декларативна, бюрократична и неэффективна: "повышение уровня жизни матерей и их роли в обществе" сводится к раздаче сомнительной полезности продуктовых наборов, бесплатному "оздоровлению" детей в школьных лагерях и к льготам, которыми нельзя воспользоваться по принципу почтальона Печкина: "Я вам принес посылку, но я вам ее не отдам".

Можно говорить, таким образом, о противоречии между официальным и традиционалистским дискурсом материнства как безусловной ценности и повседневными реалиями жизни украинских матерей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гришнова О. А., Думанська В. П. Трансформація репродуктивної поведінки під впливом освітніх чинників // Демографія та соціальна економіка. 2010. N 1.
- Гурко Т. А. Трансформація інститута родительства в постсоветской России: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / "Социальная структура, социальные институты и процессы". М., 2008.
- Гусак Н. Державна програма з утвердження гендерної рівності: хто повинен и виконувати? // Соціальна робота і охорона здоров'я. 2008. Вип. 28.
- Гусякова П., Плахотнік О., Христова Г. Теоретико-методологічний аналіз "Державної програми з утвердження гендерної рівності в українському суспільстві на період до 2010 року". Харків: Гендерний аналітично-інформаційний центр "Крона", 2010.
- Державна програма з утвердження гендерної рівності в українському суспільстві на період до 2010 року (затверджено постановок) КМУ від 27.12.2006 р.) URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1834-2006-%EF> (дата обращения: 5.09.2011).
- Декларация Московского демографического саммита "Семья и будущее человечества" (июнь 2011г., Москва). URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=53&idArt=1938 (дата обращения: 27.08.11).
- Журженко Т. Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: модели для сборки. Сборник статей. Кн. 2 / Сост. и редактор С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Злобіна Т. Політика особистого: 1/4 відповідальності замість п'єдесталу материнства. URL: <http://commons.com.ua/archives/9031> (дата обращения: 26.08.2011).
- Кись О. Материнство и детство в украинской традиции: деконструкция мифа // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и тендерная история / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
- Левченко К. Чому влада боїться моніторингу ситуації з дотримання прав жінок // Українська правда. 2 червня 2011. URL: <http://www.pravda.com.ua/columns/2011/06/2/6179761/> (дата обращения: 24.08.2011).
- Резолюція симпозіуму "Морально-етичні аспекти штучного переривання вагітності" (22 - 23 вересня 2010 р., м. Київ). URL: <http://wolua.org/ru/news/symposium-2010.html> (дата обращения: 27.08.2011).
- Стратегія демографічного розвитку в період до 2015 року. Затверджено постановок) КМУ від 24 червня 2006 року. URL: <http://zakon.rada.gov.ua>. (дата обращения: 26.08.2011).
- Шлюб, сім'я та дітородні орієнтації в Україні / Інститут демографії та соціальних досліджень НАН України, Український центр соціальних реформ. К.: АДЕФ-Україна, 2008.